

Цена 15 коп.
Индекс 72996.

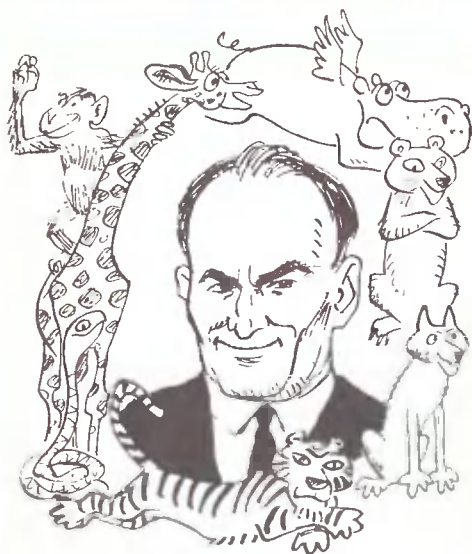
БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

11
(976)

ISSN 0132—2141

НИКОЛАЙ ПОЛОТАЙ
У САМОГО ЧЕРНОГО
МОРЯ

Родился в 1909 году в Севастополе.

Крещен в «Крокодиле» в день своего 40-летия.

Иадал полтора десятка книг сатиры и юмора. (В серии «Библиотека Крокодила» — эта третья.)

К своему 75-летию пришел к убеждению, что короче афоризма не скажешь. Поэтому на юбилейные вопросы отвечаю кратко.

ВОПРОС: Ваш жизненный принцип?

ОТВЕТ: Мыкаться, но не пресмыкаться.

ВОПРОС: Творческий девиз?

ОТВЕТ: Рисуешь Верблюда — рисуй и горб.

ВОПРОС: Отношение к Смеху?

ОТВЕТ: В жизни иногда бывает так грустно, что нельзя без улыбки.

АВТОР.

Библиотека Крокодила № 11

НИКОЛАЙ ПОЛОТАЙ

**У САМОГО ЧЕРНОГО
МОРЯ**

Рассказы, юморески, миниатюры

Дружеский шарж и рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
1985

КАК ВОЗНИКЛА ЯЛТА

Как возникла солнечная Ялта — дело вообще-то темное.

Легенда гласит: в далекие времена шныряли по Черному морю греческие мореплаватели. Для чего шныряли, известно: поживиться в чужих краях.

И дошнырялись!

Налетела буря, подняла шторм, и волны так трепали утлую посудину с перепуганными греками, что они попрятались в трюм и стали молить своего бога, чтобы успокоил море.

В богов я лично не верю и потому не интересовался, как греческий бог договаривался с нашим богом по вопросу шторма. Но, очевидно, договорились. Шторм прекратился, волны улеглись, ветер стих, и туман рассеялся.

И в тот же момент с мачты кто-то истошно закричал:

— Ялос!.. Ялос!..

И действительно, перед глазами вдруг обозначились на берегу зелено-лилоаые горы.

Налегли греки на весла, добрались до берега и высадились. Тогда, конечно, набережная была еще не асфальтирована, не было ни фонарей, ни знаменитого мола, ни даже захудалой гостиницы, не говоря уже о первоклассном ресторане «Украина» или дегустационном зале. И вообще никого и ничего не было. Был богатый зеленью солнечный берег, и были бледные перепуганные греки на берегу. Смотрели они на незнакомую землю и изумлялись.

«То была прекрасная Таврида, — говорится в легенде, — сказочная страна, где не бывает зимы, где воздух, наполненный морской влагой и ароматом трав, легок и целебен, где зреет чудесный виноград и благоухают розы».

В общем, натуральный кусочек рая!

Греки и решили обосноваться здесь и войти в контакт с местными жителями.

Легенда, правда, не говорит о сражениях за Ялту. Но кто знает, как было на самом деле! Во всяком случае, мы-то хорошо знаем, что насчет свободной прописки в Ялте было всегда трудно.

Могут спросить: а почему раньше называлось Ялос, а теперь Ялта?

Так это же ясно!

«Ялос» по-гречески — берег, и ничего больше.

А вот походите в наши дни по нарядной набережной, по городским паркам, побывайте в роскошных санаториях, прокатитесь на теплоходе и глиссере, отведайте крымский шашлык и запейте ароматным виноградным соком...

— Вот это Ялта-с! — воскликните вы восторженно.

И будете абсолютно точны.

— Это Ялта!..

А древние греки, между прочим, тут ни при чем!

МЕНЯ ПРЕВРАТИЛИ В ЧУДАКА

Итак, Ялта!..

Переселился в этот земной рай, как говорится, всерьез и надолго. Пожизненно и посмертно.

На второй день встречаю знакомого.

— Поздравляю! — приветствует. — Правильно сделал, старик. Тень великого предка Антона Павловича Чехова да поможет тебе творить! Провырнемся по набережной?

— Ой, некогда. Дела!

— Какие дела, старик?! В Ялте — и дела?.. Пшли, пшли! Дерябнем по махонькой в честь переселения в рай!

— Нет-нет, не могу.

— Пш-ш-ш!.. Ну ты, старик, и чудило!

И мгновенно исчезает.

Натягивая на себя рубаху, услышал над ухом:

— А-а-а! Попался, который кусался!.. А ну, раздевайся!

Передо мной знакомый по Сибири.

— Я только что из воды, — говорю. — Целый час загорал!

— Ча-ас? Ну юморист! А пять часов, а то и десять не хочешь?

Гляди на меня. Конго! Аддис-Абеба!..

— Берег Слоновой Кости! — отвечаю в тон. — Но все же пойду. Дела у меня.

— Твоя воля! — махнул рукой сибиряк. — А только зачем ты, чужак этакий, менялся на Ялту? Поселился бы на Чукотке. Поближе к моржам!

И с хохотом ринулся в набежавшую волну.

Альбина Капитоновна поймала меня за рукав:

— Сумасшедший! Куда вы марафоните?

— На часовую прогулку. Отдохнуть, проветриться.

— Никуда ваше море не денется. А знаменитость отпел концерт и улетел. Жди его пять лет!.. Сообразить билетик?

— Не беспокойтесь. Я на прогулку.

— Вы Нептун чокнутый! Я за месяц побывала на всех знаменитостях, а вы, ялтинец, только на воду глядите!..

— Почему только на воду? Я работаю.

— Ха! Смешняк! Он ра-бо-тает!.. — вскидывает копыя бровей, крутит пальцем у виска. — «С приветом», что ли? Перегрелись?..

И мчится на знаменитость.

Телефонный звонок.

— С переездом, коллега!.. Такая петрушка: у нас теперь здесь прямо творческая капелла. Надо бы собраться, организовать...

— На возлияние, что ли?

— Это успеется! Я говорю: надо бы пообщаться, посоветоваться.

— Для чего, собственно?

— Как для чего? Вот чудак! Ну, чтобы солидаризоваться, соревноваться...

Я повесил трубку.

Сегодня случайно в кафе подслушал разговор о себе. Мой знакомый сибиряк кому-то говорил:

— Зазнался он! Забурел! Ни к кому не ходит, ничто его не интересует..

— Что же он делает?

— Говорят: сидит дома, как бирюк, и пишет, пишет!

— А чего пишет! Секрет?

— Какой там секрет! Обыкновенно: пишет книги.

— А что он должен делать?

— Как это что!.. Купаться! Восторгаться! Вдохновляться! Ялта — мировой курорт! А он, чудак, не ценит!..

Я с трудом удерживал на стуле равновесие.

ВЕСЕЛАЯ ПРОФЕССИЯ

Не помню, по какой причине забрел к другу.

Дверь открыл хозяин — веселый, розовощекий.

— Ба! Сережка! Вот кстати!

— Не понимаю.

— Сейчас, старик, поймешь! — приложил палец к губам. — Чуешь?..

Из глубины квартиры доносился гул голосов, нестройная песня.

— Сегодня мой, можно сказать, ю-би-лей! Десять лет руковожу учреждением!

— И уже... юбилей?

Друг подобострастно захохотал:

— Узнаю, старик, твою хватку! Придираешься? Копаешься?.. Ладно! Не юбилей, а просто так — небольшой «междусубойчик» в своей честной компашке. Согласен?

— Идет!

— Раздевайся!.. Да! Насчет того, кто ты и что ты, гостям ни слова! Ты меня пойимаешь?

— Почти...

Вечеринка уже достигла своего апогея. Мой приход ознаменован

был диким голосом:

— Оп-поздавш-шему ш-штрафную!!!

Умоляюще смотрю на друга.

— Внимание! — сказал громко друг. — Сергей Петрович не-
пьющий.

Десятки глаз буравили меня.

— Ка-ак?.. Совсем не пьете?

— Так. Не пью.

— Просто так «не пью» не бывает.

Снова выручил друг:

— Сергею пить противопоказано. Профессия у него трезвая.

Спиртного ни-ни-ни!

Вопросительно вытянулись рожицы.

— Вы случайно не ...атомщик?

— Или кибернетик?

И в третий раз пришлось выручать друга.

— Ну что вы! У него профессия веселая...

И только разжег интерес.

Окружили плотным кольцом, дразнили бокалами шампанского, разглядывали, словно снежного человека.

— Наверное, вы артист оперетты? У меня был дружок из оперетки. Тоже: «Не пью, не пью!» Голос боялся пропить. Однажды я накачал его... Как он веселился! Какие фортеля откалывал! Премьеру сорвал! Неделю бюллетени!

— А может быть, товарищ из цирка? Люблю цирк! Помню, у меня с молоденькой гимнасточкой романчик завертелся. В цирк ходил по контрамарке. Потом жена разнохала. Тот бенефис был!..

— Это что! — вступил в разговор третий. — Я знал одного веселого ревизора. Всегда ждал его, как спасителя. Проверит, подскажет, где что подправить, подчистить, какие оправдательные документации сообразить, чтобы потом прокурору не пришлось кланяться. А закончит консультацию — пьем, веселимся целую неделю!..

Сколько продолжалась бы эта коллективная исповедь, не знаю. Только открылась дверь, и на пороге появилась Оленька — пяти-летняя кроха моего друга.

— Дядя Сележа плишел! — И, взобравшись ко мне на колени, важно сообщила: — А мы вчела ваш филитон читали в газете. Папка очень смеялся и говолит: «Плавильно! Здолово зуликов плохватил!»...

В комнате взорвалась бомба молчания.

Гости застыли. Потом робко зашептались. Никто больше не притрагивался ни к вину, ни к кушанью. На юбиляра бросали взгляды, полные презрения, как на провокатора.

Мой друг, дав шлепок Оленьке, тут же отправил ее в спальню.

Вечер был испорчен. Быстро стали расходиться. Прощались холодно, молча. Руки хозяину не подавали.

После ухода гостей стало совсем тихо. Мой друг упорно разглядывал свои ногти.

— Н-да-а-а! — сказал я и вышел.

В коридоре догнала Оленька. Утирая кулачком слезы, с обидой сказала:

— Дядя Сележа! Я вас очень прошу: напишите на моего папку филитон. Он только холошим плидуливается!..

Я пообещал.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ПЕТУШОК

— Кибернетика, уважаемый товарищ шофер, — это кибернетика! Гений человечества! Верхотура, так сказать, цивилизации! Думаешь, если ты на своем драндулете выжимаешь сто двадцать километров без милиционера, так уже всех перегнал на свете?

Не-ет, брат! Скоро без кибернетики нельзя будет и шагу ступить. Ша-гу! Понял?.. Ты, конечно, думаешь: кто есть я? Физик? Химик? Просто человек. Ну, выпимши малость, но все же человек...

А вот дружок мой Вася Протонов — тот, верно, сплошной физик. Послушал бы ты, что он рассказывает. Дух захватывает! Теперь эти электроники, счетные машинки — все устарело. Понял?

Ну вот скажи, товарищ уважаемый таксист: слышал ты о машинах, которыми можно управлять не разными там кнопками, а голосом? Понимаешь: го-ло-сом! Кнопками теперь каждый дурак управлять может, а вот чтобы всю кибернетику положить на голос — это, браток, все!..

Электроника, что? Не ту кнопку нажал — глядишь, вместо умножения делить начнет или вместо прибыли убыток покажет. Пока механики разберутся, в чем дело, прокурор из тебя все кишки вымотает. А тут тебе никаких кнопок! Приказал машине — и поря-док!.. Смеешься? Смейся, таксист! А я тебя сейчас удивлять буду!

Степан Скамейкин вынул из портфеля небольшую коробочку и торжественно извлек из нее игрушечного петушка.

— Во! Гляди! Что это? По-твоему, петушок, игрушка, детская забава... Не-ет, браток! Это не простой петушок — золотой гребешок, а ки-бер-не-ти-ческий! Сейчас я тебе его продемон-с-три-рую... Это, кстати, подарок Васи Протонова, моего дружка физика. Он, понимаешь, этого петушка настроил на мою персональную волну, на мой голос. Скажем, я кукарекну своим голосом, и петушок мне в ответ: «Ку-ка-ре-ку!» ...Смеешься? Ну так вот удивляйся. Внимание! Приготовились! Начали! Ку-ка-ре-ку!..

Петушок промолчал.

— Это бывает, — сказал Скамейкин. — Заела какая-нибудь деталь в петушиной глотке. Повторим: внимание! Приготовились! Начали! Ку-ка-ре-кууу!

Петушок молчал.

— Черт такой! — занервничал друг физика. — Между прочим, товарищ таксист, кибернетика здесь ни при чем. Это голос мой немного того... охрип. А кибернетика, сам знаешь, точность любит. Внимание! Начали!..

Скамейкин трижды кукарекал. Потом встряхнул петушка, постучал им о коленку, давал ему щелчки в лоб.

Петушок бессовестно молчал.

— Эка тварь! — выругался Скамейкин. — Опять подвел! Понимаешь, жена моя по этой подлой птице проверяет меня на трезвость: если петушок откликается, — значит, порядок. Трезв, как стеклышко. А если, паразит, молчит, — тогда держись: жена спуску не дает... Ну-ка, еще раз попробуем. Приготовились: ку-кка-рре-ккууу!... Молчит, скотина!

Скамейкин охрип, но не сдавался. В зеркальце увидел широкую улыбку шофера.

— Между прочим, уважаемый товарищ таксист, нечего ехидно улыбаться. Вот вашего брата-шофера, ежели он тяпнет с наперсток, и то к баранке не допускают. А что твой драндулет? Пережиток техники! Вчерашний день!.. А у нас кибернетика! Верхотура! На эту верхотуру ни с каким запахом не пускают, понял? Как говорится, «ни тебе аванса, ни пивной».

Шофер одобрительно покачал головой.

— Второй месяц вожу с собой этого проклятого петуха! — продолжал жаловаться Скамейкин. — От жены прячу... Сказал, что товарищу дал на время. Не верит. Просит моего дружка Васю Протонова сконсу-стрири-нровать замок на дверь. Тоже, между прочим, кибернетический. Чтобы, значит, по голосу открывался. Это, конечно, против меня выпад. Дескать, приду я навеселе, голос, понятно, не тот — ключ не сработает, — ну и будь здоров и весел — кукарекай до утра у парадного подъезда!..

Друг физика доверительно подвинулся к шоферу:

— Хочешь, продам петушка? А? Как уцененного!.. Не нужен? А то, хочешь, деткам твоим подарю? Ей-богу, не жалко! Так, от души! Скажу по секрету: мне этот петух в печенках сидит. Кибернетика, она, брат, только трезвых любит, понял? Трез-вых! А наш брат если чуточку выпьет, так она тебя и слушать, тварь, не станет. За человека, понимаешь, не признает! Вишь, кукарекать не желает, петушине отродье! Ну да сейчас ты у меня закукарекаешь!..

Скамейкин открыл окошко и выбросил петушка на мостовую.

— Так-то легче! — вздохнул с облегчением друг физика. — А то везде только и слышишь: кибернетика, кибернетика, гений человечества, верхотура цивилизации.. А какая от нее польза простому человеку, ежели он для настроения чуток лизнул полезительного? Ника-кой! Один вред, да и только!..

А игрушечное пернатое, очутившись на зеленом газоне, где пахло

свежей травой и ярко-желтыми одуванчиками, а не застоявшимся прогорклым портвейном, вдруг ожило. Красиво изогнув шею и широко открыв клюв, оно заголосило во всю мощь своих кибернетических легких:

— Ку-ка-ре-ку!

СОВЕТЫ «ДИКИМ»

«Дикий», «дикарь», «дикарка» — обидные, несправедливые клички неорганизованных курортников и туристов.

О «диких» много говорят, часто пишут в газетах, но мало заботятся. Спят они бог знает где, кушают неизвестно что и как вообще проводят свой отдых — один аллах знает.

Такое равнодушие к «диким» — большой минус для наших плюсов. «Дикие» — те же советские люди, хорошие производственники или отличники-студенты, и почти все они, уверяю вас, вполне заслуживают нашего пристального внимания и имеют право на отдых.

Наблюдая и изучая «диких», автор пришел к выводу, что они часто страдают по собственной вине. Прямой, честный, открытый характер «диких» приводит к тому, что их недолюбливают, сторонятся и стараются не обращать на них никакого внимания.

Искренне желая помочь «племени дикому», я и решил преподать им восемь заповед... то бишь, советов.

1. НЕ ПОРИТЕ ГОРЯЧКУ

Вы имеете на руках приказ об отпуске, билет на проезд и необходимую сумму — прожиточный минимум.

Спокойно садитесь на тахту, свободно несколько раз вздохните (потом так свободно вряд ли придется вздыхать!) и громким шепотом выразите неподдельное удивление:

— Ой! Кажется... едем!

Если ваша жена не суеверная и не прихлопнет ваш рот ладошкой, а тоже радостно вскрикнет: «О, дорогой! Кажется... едем!» — то не срывайтесь, как дикарь, с тахты, не хватайте чемодан под мышку и не мчитесь, как полоумный, на аэродром.

Иначе говоря, не порите горячку!

Прежде всего выключите сразу же домашний телефон, чтобы вам не позвонили с предприятия и не сообщили, что «ввиду сложившихся непредвиденных обстоятельств отпуск ваш переносится на неопределенное время» (как уже было в прошлом и позапрошлом году!).

Напишите записку: «Срочно улетел вчера в отпуск в неизвестном направлении». (В крайнем случае направление можно и указать, но диаметрально противоположное. Скажем, собираетесь в Крым —

напишите: на Кольский полуостров.) Записку прикнопьте на двери снаружи.

Если вам лететь завтра утром — не включайте свет весь вечер и всю ночь. Пусть любопытные родственники, надоедливые знакомые и настырные соседи думают, что вас уже нет дома. Вы будете избавлены от заказов на десятки разных вещей и сувениров — от значков с летящей чайкой до портативного глассера.

Таким образом, вы обеспечиваете себе мирные сборы в продолжение всего вечера, а если надо, то и ночи и можете спокойно с помощью карманного фонарика проверить: все ли приготовлено к отъезду?

2. НЕ ЗАБУДЬТЕ

Каким бы ни был прекрасным курорт, куда вы так стремитесь, обольщаться не следует: ни солнцем, ни воздухом, ни тем более водой сыты не будете. Как говорил когда-то Аркадий Аверченко: «Жрать же ж надо же ж!» А я добавлю:

и спать же ж надо же ж,
и готовить же ж надо же ж...

И сколько же ж этих «же ж» еще потом найдется! Поэтому рекомендую примерный набор вещей, необходимых для поездки на курорт: костюмы, рубашки, майки, трусы, полдюжины носков, дюжина платков, пыльник, плащ, макинтош, демисезонное пальто, легкая шубка, шлепанцы, сандалетки, танкетки, ботинки, полуботинки и охотничьи сапоги;

зонтики: от солнца, от дождя, от любопытных глаз;

колышки, камешки, простыни, плащ-палатка, разборный домик:

пила, топор, веревка, трос;

сервизы — чайный, столовый, ножи, вилки, ложки, поварешки, чайник, кофейник, сковородки разного диаметра и кастрюли разного водоизмещения;

свечи, коптилка, примус, керогаз, газовая плита (баллончиков побольше!);

одеяла — летнее, ватное, верблюжье, две подушки, две раскладушки, два спальных мешка;

набор зеркал, портативный трельяж, мази, бигуди, щипцы и т.д. и т.п.;

прибор для бритья, пружинная бритва, безопасная и опасная;

магнитофон, радиола, транзистор;

фотоаппарат, кинокамера;

иглы, булавки, иитки, латки, заплатки (где тонко, где толсто — на курорте все рвется!!);

аптечка, пластыри, медные пятаки, грелка, банки, пивявки;

витамины, витамины, витамины!.. В любом количестве!

Какие брать с собой продукты?

Аппетит — вещь неизмеримая. На любой вкус не напасешься. Поэтому совет общий: берите все, что можно взять — жареное, пареное, вареное, сухое и вяленое, копченое и соленое, консервы, пищевые концентраты, бульонные кубики и венгерские гуляши, вплоть до рассады и семян (знакомый огородник-мичуринец посоветует вам, какую культуру можно успешно и выгодно быстро вырастить в течение вашего отпуска).

Автор заранее приносит свои извинения, что он ограничился довольно скромным минимумом-рационом и перечень продовольственно-товарно-дорожных единиц далеко не полный.

Кузьма Прутков говорил: «Нельзя объять необъятное!» Вам же, дорогие мои «дикари», это придется сделать!

Во сколько чемоданов, мешков, рюкзаков и «авосек» все это втиснете, — автора абсолютно не интересует. Автору важна чисто экзотическая сторона дела, а не драматическая.

3. ТВОЕ МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Этот здоровый оптимистический девиз родился в устах «дикаря» не от хорошей жизни. Как известно, в курортных городах гостиницы набиты народом до предела.

Не огорчайтесь!

В Крыму места под солнцем намного больше, чем в гостиницах.

На крайний случай можно устроиться и на частной квартире (при норме: полтора дивана на «полтора Ивана»).

А еще вернее — располагайтесь прямо под гостеприимным ласковым крымским небом. Места под солнцем, уверяю вас, хватит на всех!

4. БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ

Итак, устроившись под благодатным южным солнцем, не следует забывать, что и оно светит не вечно, вернее — не круглые сутки. Солнцу тоже отдыхать надо!

Поэтому день сменяет ночь, а ясное небо иногда заволакивают тучи, идет дождь, гремит гроза.

Бояться этого не следует. Начинайте закалику организма. Делайте ежедневно гимнастику под транзистор, принимайте морские, воздушные и солнечные ванны, взбирайтесь на горы...

Все это для того, чтобы не получить вульгарный насморк, грипп или ангину. Ангина, как ревнивая жена, за два-три дня вымотает из вас все силы и душу так, что ничего и ничто на курорте не станет мило.

Так что лучше не болеть!

5. БУДЬТЕ УМЕРЕННЫ!

Как было сказано выше, ни жарким солнцем, ни целебным воздухом, ни соленой водой сыт не будешь. Слабым утешением будет и сознание, что на курорт приезжают спустить излишки.

Однако, когда кончаются припасенные из дома продукты, вы вдруг обнаруживаете повышенный аппетит.

Да-да! И солнце, и воздух, и вода дают пищу вашему эстетическому воображению, но отнюдь не пищеварительному тракту. Наоборот! Они-то и повышают кислородный обмен, убыстряют горение, окисление, расщепление, ассимиляцию, диссимиляцию, то есть повышают аппетит.

Врачи говорят: хорошо!

Вряд ли вы разделите их авторитетное мнение, особенно когда на практике попытаетесь загрузить свой пищеварительный тракт.

Нет-нет! Продуктов на курорте предостаточно. И поесть и особенно попить. Но извечные курортные «ножницы»: чем больше продуктов, тем больше курортников; чем больше курортников, тем больше очереди. Логика с точки зрения пищеторга железная.

Но вы-то не железный! И выстаивать в очередях удовольствие не из приятных. Конечно, если у вас крепкие ноги, то есть если вы чемпион по скоростной ходьбе и бегу, или работали почталомом, или, на худой конец, постовым милиционером, тогда другое дело. И то обидно! Одно дело стоять на посту, получать зарплату и мечтать о курорте. А другое дело на курорте простаивать в очередях, когда нерабочее время и тебе не платят ни копейки за простой. А сколько метров нервов израсходуете!

Мой совет: будьте умеренны в еде! Это сократит число посещений пищеблоков и пищеточек. Семейный предрассудок — есть три раза в день — надо оставлять дома.

Смело переходите на двукратный прием пищи! Все-таки выгадаете два-три, а то и четыре часа драгоценного времени. В крайнем случае можно, конечно, перейти и на одновременный прием пищи. Но это, когда взойдут овощи на вашем индивидуальном пришалашном или припалаточном огорожке.

6. «ДИКИЙ» ИМЕЕТ ПРАВО НА КУЛЬТУРНЫЙ ОТДЫХ

Это не подлежит никакому сомнению. Это истина!

Пожалуй, нет такого другого вопроса, который так бы просто разрешался на курорте, как культурный отдых.

Можно с уверенностью сказать, что преимущество «диких» по сравнению с организованными курортниками в вопросах культурного обслуживания — явное и безоговорочное. Вам не терзают уши

радиорепродукторы: не дезорганизуют отдых организаторы отдыха, не тащат в круг заетники на «два притопа, три прихлопа».

Имея в собственном распоряжении набор инструментов от губной гармошки до транзистора и походного телевизора, вы настраиваетесь на любимую певицу или балерину, а любители — на «большой футбол». Весело, культурно и, главное, по своей потребности, а не по радиоспособности и радиоактивности местного радиоузла.

Применяя радио во время утренней гимнастики, танцев, досуга, следует использовать личный транзистор и во время стоянки в очередях.

Небольшая радиопроказа (включение на полную мощность!) — и очередь как-то сама собой рассасывается. Нарекания и легкую брань по вашему адресу можно заглушить включением двух транзисторов на разных программах.

Но не единым транзистором культурен человек!

В гораду, в курзале, на эстрадных площадках вы всегда имеете возможность (за плату, конечно!) увидеть любой ансамбль, откомандированный по настоянию квалификационной комиссии за пределы Москвы «на неопределенный период». На эстраде представлены все жанры, кроме нескучного. Состав исполнителей (возрастной) разный: от молодых, только что вышедших на пенсию, певиц до презрелого «хора мальчиков».

Что же касается посещения музеев, памятных мест и поездок на экскурсии, никаких указаний и советов быть не может. Полная инициатива и самонадеянность! Втирайтесь, куда сможете!

Тут все зависит от личных способностей. Однако ничего сложного нет. Стоит только познакомиться с санаторником, и заорганизованный организаторами досуга «больной» с удовольствием отдаст вам билет или внесет вас в список вместо себя на правах липового родственника, случайно встреченного им на набережной. Невинная сделка скрепляется не у нотариуса, конечно, а в ближайшем дегустационном зале.

Следует предупредить, что особенно задерживаться в таких залах не следует. Иначе можно опоздать на экскурсию и досрочно, вне очереди, попасть в городской вытрезвитель. Там, правда, вы и выпиться в мягкой постели, и накормят вас, и подлечат, и окажут большое внимание...

На вытрезвителе, пожалуй, можно и закончить главу о культурном отдыхе.

7. СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Во всех курортных городах всегда вы увидите сотни табличек, на которых два слова с тремя восклицательными знаками приводят в трепет даже курортника-рецидивиста:

СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ!!!

Воспрещается:

ходить по газонам, топтать цветы, рвать розы, ландыши, лилии, анютины глазки (идет перечень растений);

сорить, шуметь, кричать, буянить, приставать к прохожим, драться;

лить помои, жечь бумагу, сквернословить, бить стекла в витринах, в троллейбусах, такси;

трогать руками... подходить близко... уплывать далеко...

вступать в пререкания; сидеть, бегать, лежать, загорать на «чужих» пляжах;

и так далее, и тому подобное.

Когда идешь по улицам курортного города, невольно представляешь себя в положении только что выпущенного на поруки из исправительно-трудовой колонии правонарушителя, для которого так усердно трудилась не одна бригада художников-плакатистов.

Счастье ваше, что вы «дикий» и, не будучи временным жильцом санатория или гостиницы, избавлены от чтения «Правил» и «Инструкций», которыми теперь украшают стены вместо художественных репродукций.

8. БУДЬТЕ ВЕСЕЛЫ

Как ни странно, но я должен и этот последний совет дать со всей категоричностью. Да! Будьте веселы, черт возьми!

Да здравствует улыбка!

К сожалению, медики досконально еще не исследовали полезный коэффициент смеха — от интеллектуальной иронической улыбки до утробного гомерического хохота.

Между тем простое лабораторное исследование легко определит, например, резкое понижение холестерина в организме.

Причина? Смех, смех и еще раз смех!

При смехе повышается белковый и азотистый обмен, расширяются кровеносные сосуды, улучшается кислородное снабжение организма; глаза лучатся, как искусственные алмазы, походка становится упругой, гарцующей, как у цирковой лошади; энергия бьет через край; свежеет лицо, щеки покрываются румянцем, разглаживаются морщины.

Кажется, Лев Николаевич Толстой сказал: ничто так не сближает людей, как хороший, безобидный смех. Согласитесь: мудро сказано!

Пример. Вы не знаете, где устроиться на ночлег. Исходили адреса, просили, умоляли, грозили — нет мест! И вдруг кто-то шепнул: где-то на окраине города находится старая заброшенная гостиница.

Марафоном мчитесь по указанному адресу, врываетесь в вестибюль и с разгона утопаете головой по самые уши в окошко администратора:

— Номер! Номер мне!..

И вдруг хохот со всех сторон:

— Га-га!.. Гы-гы!.. Номер ему!

Кто-то подходит, трогает ваше плечо:

— Ваш номер, гражданин хороший, будет сто шестнадцатый!
Запишитесь вон у того, спящего на урне!..

И снова:

— Га-га!.. Га-га-га!.. Гы-гы-гы!..

Тут только вы замечаете, что, помимо вас, толкуются десятки людей. Конечно, краснеете до шейных позвонков, поражаясь своей наивности, смешанной с невежеством.

Но видя, как беззлобно смеются над вами такие же неудачники, вы уже сами смеетесь, весело подмигиваете им, дескать: «Ну и осел же я, братцы!»

Вообще надо сказать, что в наше время самокритичный смех пока явление чрезвычайно редкое, но полезное и здоровое. Оно снимает злость, хандру, нераное перенапряжение и является для иных просто необходимым, как утреннее мытье рук и шеи.

И вот вы уже сидите на своем чемодане с друзьями по несчастью, весело подтруниваете над другими марафонцами и заодно ведете успешные переговоры по кооперированию на предмет заселения прибрежной пещерки или райского шалаша...

Улыбка — надежная броня от меланхолии, невзгод и пессимизма. Собираясь в курортный вояж, никогда не забывайте взять с собой а рюкзак или чемодан побольше улыбок — веселых и разных!

Я знал (правда, лишь одного!) курортника из «диких», который мужественно провел свой отпуск с улыбкой на лице до последнего дня включительно. А вернувшись домой — усталый и осунувшийся, — все же еще нашел силы переступить порог и выдать из уст последнюю улыбку:

— Вес-село ж я провел вр-емя, ч-черт под-дери!..

Рухнул на тахту, уткнулся в подушки и заплакал.

Больше на курорт он не ездил...

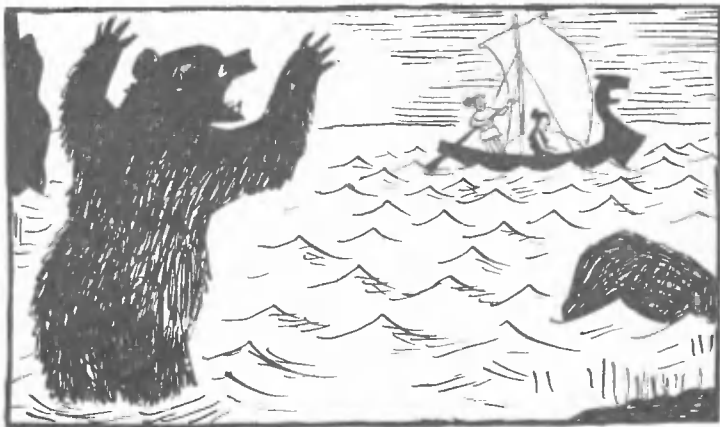
На этом грустном эпизоде я и заканчиваю свою последнюю главу
«БУДЬТЕ ВЕСЕЛЫ!».

Вот и все восемь советов для «дикарей».

Конечно, советов можно дать бесконечное множество, и все они будут полезны и просто необходимы. Но повторяю: нельзя объять необъятное!

Притом учтите: все мы люди разные. Что одному хорошо, другому — плохо. На всех «диких» правил не напасешься.

Имеющим свои автомашины я никаких советов не даю, так как это особая категория особо «одичавших» людей, не признающих никаких советов и правил, кроме ГАИ, и смотрящих на мир сквозь ветровое стекло.

О МЕДВЕДЬ-ГОРЕ

О Медведь-горе сложено легенд не менее чем басен или сказок о тех же медведях.

Гора эта живописная и так напоминает живого медведя, что мимо нее не пройдет спокойно ни один баснописец или народный сказитель.

Посмотрит на гору одним глазом, и, глядишь, уже фантазия бьет из сказителя, словно нефть из буровой скважины!..

На какой же из легенд остановиться?

В одних легендах люди охотятся на медведей. В других, наоборот, — медведи за людьми. Борьба между ними за существование велась такая жестокая, что самому старику Дарвину не снилось.

Но не будем омрачать наш отдых описанием войн и побоищ, а лучше возьмем такую легенду, которая по душе каждому курортнику, — легенду о любви.

Так вот, давным-давно, когда в Крыму еще не было ни домов отдыха, ни санаториев, ни пансионатов, а люди вообще не знали, что такое курорт, пляж и курсовка, на берегу моря селились одни медведи. Тогда и случилась эта история.

Однажды утром медведи увидели на берегу обломки корабля. Среди обломков лежал сверток. А в свертке попискивала крохотная девочка.

Медведи по-человечески отнеслись к сироте. Девочка была единоголасно «удочерена».

Напомним кстати, что медвежье селение было на том месте, где

сейчас находится пионерский лагерь Артек. В то время девочка, понятно, не могла слышать ни призывного звука горна, ни дробы барабана.

Прошли годы. Девочка выросла.

Целые дни она варила черноморскую уху и жарила крымский шашлык медведям; прибирала их логово, а вечерами пела колыбельные песни медвежатам. Медвежья орава была на редкость прожорлива, и девушке приходилось работать, как домработнице во времена нэпа.

И вот однажды... Когда медведи ушли в свой очередной набег, к берегу прибило волнами челн. В нем лежал на дне красивый юноша, обессиленный от голода и жажды.

Девушка заметила юношу и быстро оказала первую медицинскую помощь, перенесла на берег в укромное место, накормила, напоила. Лодку спрятала в кустах под скалой, чтобы не видели медведи. (Хотя медведи в ревности не такие звери, как люди, все же могли быть небольшие неприятности.)

Медведи ничего не заметили.

За месяц девушка выходила юношу. Он ей рассказал, что бежал из плена, от разбойников, но волны прибили его к незнакомому берегу.

Девушка с интересом слушала его рассказы. Потом юноша с интересом слушал ее песни. Затем они влюбились друг в друга и решили вместе бежать.

Юноша смастерил мачту, натянул парус из звериных шкур. А когда подул попутный ветер, влюбленные сели в челн и быстро поплыли в открытое море.

Вдруг раздался страшный медвежий рев. На берегу заголосили медведи. Как же! Сбежала такая домработница! Такая хорошая певунья! Было от чего реветь.

Разгневанный медведь-вожак вбежал по колени в море, суил морду в воду и стал пить так жадно, словно это была не соленая морская вода, а жигулевское пиво. Хотел выпить целое море и посадить на мель лодку с беглецами.

Девушка испугалась, а юноша встал во весь рост и крикнул медведю:

— Брось, старик, чудить! Все равно не выпьешь! В это море впадает много рек и два моря. Географию надо знать, старик!..

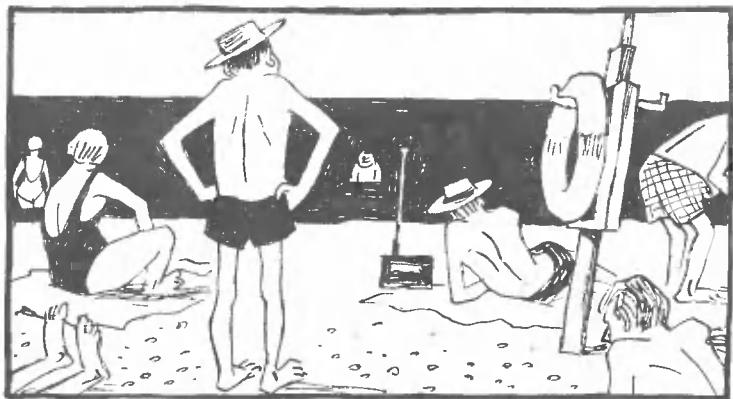
Старик медведь географии не знал.

А влюбленные знали.

И уплыли.

Вожак так и остался в море...

Мораль: влюбленных не остановишь, если ты даже медведь!

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
(Подслушанное, подсказанное, подсмотренное)

- Вы наблюдали когда-нибудь девятый вал?
- И тут вал? А я-то думал, отдохну от него хоть на курорте!

*

- Мама, а уха тоже плавает в море?
- Глупышка! Она в тарелке плавает.

*

— Если б вы знали, как море успокаивает! Особенно когда оно сильно волнуется!..

*

«После восьми часов вечера и до девяти утра спасение и откачивание утопающих не производится!»

*

- Плавание та же ловкость рук, только... без мошенства!

*

— Когда я рисую море маслом, никак не удается показать его глубину!

— Это же естественно! Масло всегда плавает на поверхности!

*

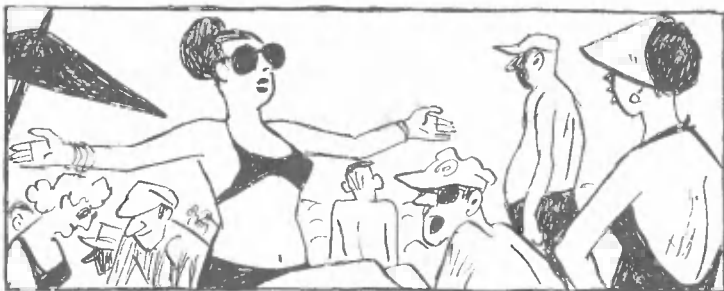
— А мне не нравится Черное море!

— Это почему же?

— Очень соленое. А мне соленого нельзя. Я диабетик!

*

— Ах, господа! Да какая мне разница: Черное море, Белое или даже Красное! Красоту морю придает нарядная набережная. Вернее, даже не набережная, а модно одетая публика!

— Какая безбрежная ширь! Какой голубой простор!

— Гражданка! Не размахивайте так руками! Вы же на пляже!

*

— С тех пор как увидела водяные пейзажи Айвазовского, я стала совершенно равнодушна к сухопутным художникам!..

*

— С морем, как с другом: посидишь, помолчишь, налюбишься.

— Это верно. Еще и покатаешься на нем!

*

— Простите, вы отдыхаете с женой?

— М... да! Конечно.

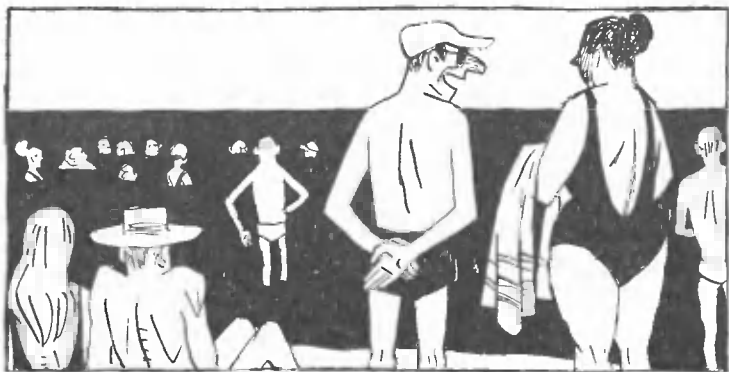
- И давно поженились?
- Да-да! Сразу же как вернемся с курорта!

*

- Мой знакомый химик говорил, что в Черном море находится даже золото!
- Очевидно, он имел в виду керченскую селедку!

*

- Знаете, Наталья Васильевна, море напоминает мне женщину: то бушует, то вдруг начинает ласкаться.
- А мне, дорогой Петр Иванович, наоборот, море напоминает мужчину: сначала ласкается, заискивает, а потом бушует.

- Ваш муж отдыхает вместе с вами?
- Нет, он отдыхает в Сочи.
- Почему же не вместе?
- У нас разные командировки!

*

- Я пишу стихи всегда на берегу моря!
- А ты в открытом море попробуй. Глубже будет!

- Вы первый раз в Крыму?
- К сожалению, последний. Муж категорически против Крыма.
- По-че-му?
- Говорит: неразумно подряд шестой сезон отдыхать в Ялте. Следует уже подумать о Сочи или Рижском взморье.

*

— В Крыму, я вам доложу, имеются два чуда: Черное море и крымское вино. Разница в объеме колоссальная! А между прочим, в вине тонут гораздо чаще, чем в море!

*

- Девушка! Вы заслоняете мне солнце! Я загорать хочу!
- Гражданин! Не волнуйтесь! Дойдет и до вас очередь! Вас много, а я одна. Привыкли, понимаешь, жаловаться!..

*

- Не-ет, нынче море не то, что было раньше!
- Рыбы, что ли, в нем не хватает?
- Рыбы достаточно... Ресторанов-поплавок не хватает!

*

Мать кричит пятилетнему сынишке:

- Витька! Вылазь из воды! Ты что — обратно чихать хочешь?

*

— Камбала, я вам скажу, рыба пугливая. Помню, как-то нырнул, вижу — плывет она прямо на меня. Я ка-ак свистну!.. Только эту камбалу и видели!

ВСТРЕЧИ С «ПЕРЧИКОМ»

Первая басня!..

Она была опубликована в журнале «Крокодил» в день моего сорокалетия. В те годы я работал в Грузии на заводе. Там меня и прозвали «получеловеком-полукрокодилом».

А я рыскал по газетным киоскам, искал журнал «Перец», в котором работал и печатался любимый с детства украинский юморист Остап Вишня. И только в городской библиотеке нашел этот журнал. Когда же в нем был рассказ О. Вишни, я упрасивал библиотечаршу дать «Перец» на дом и, чего греха таить, часто «зачитывал» его.

А как мечталось! Построим завод, вернусь на Украину, поеду в Киев и сразу — в редакцию «Перца», членом редколлегии которого был сам Остап Вишня...

Мечта вскоре сбылась. Я переехал в Крым. Оттуда и послал в редакцию «на пробу» басни. Ждал недолго. Из редакции пришло письмо:

«Сьогодні я якраз переклав з охотою сам «Гром и молнію». Вийшло, ніби, добре і в перекладі... Піде!

Бажаю Вам творчих успіхів!

З привітом член редколлегії С. Олійник».

Вскоре (в начале 1955 года) басня была опубликована.

На радостях улетел в Киев. С вокзала — рысью — в редакцию «Перца». (Она тогда помещалась на ул. Коцюбинского.) Встретили радушно. Трогательное участие в моей писательской судьбе приняли главный редактор журнала Ф. Макивчук, О. Вишня, Ст. Олейник, П. Глазовой, М. Билкун, Юр. Кругляк и другие сотрудники. Меня скромно поздравили с вступлением в веселое содружество перчан.

А Остап Вишня легонько толкнул в бок:

— Теперь, Мьколко, вы вже не просто «крокодил», а «крокодил с «перчиком»!..

Это была лучшая похвала. Ибо будь ты сто раз «крокодилом», но если «без перчика» — то какой же тогда из тебя сатирик?..

СМЕХ ОСТАПА ВИШНИ

Как смеялся Остап Вишня, я никогда не слышал. Но видел, как наша семья, и больше всех отец, смеялись — да что смеялись! — хохотали, читая фельетоны Остапа Вишни. Смеялся и я. А потом вырезал фельетоны и рассказы Вишни из газет и журналов и клеил в тетрадку для рисования.

С детства верил: чудесный человек Остап Вишня!

Давненько то было. В мое отрочество. Я увлекался рассказами Аверченко, Тэффи, Дорошевича... И вот — Остап Вишня!

Задорный, умный смех покорял жизненностью, правдивостью. Словно с самим юмористом Вишней разъезжаешь по городам и селам, видишь его глазами и смеешься с ним над увиденным.

В пятидесятые годы Остап Вишня был членом редколлегии украинского сатирического журнала «Перец». В этом журнале я печатал свои басни и иногда наезжал в Киев.

К сожалению, памятная встреча с Остапом Вишней произошла незадолго до его смерти. Случилось это в помещении редакции «Перца» — тогда она находилась на улице Мих. Коцюбинского.

Вишня был нездоров, и Степан Олейник пошел хлопотать насчет машины — подвезти писателя к его дому.

Мы остались вдвоем во дворе редакции и присели, ожидая машину. Остап Вишня долго смотрел на меня исподлобья, словно что-то припоминая, наконец спросил:

— Мыколо! Так крыша над головою вжэ?..

Я растерялся: какая крыша?.. И вспомнил. Незадолго до этого Павло Глазовой сообщил мне: «Про квартиру написали сегодня письмо председателю горсовета. Подписались все — Макивчук, Вишня, Олейник и я».

А было так: мне долго не предоставляли квартиру, и мы с женой мыкались по знакомым. В «Перце» узнали об этом, написали в Симферопольский горисполком. Очевидно, подпись Остапа Вишни подействовала особо. Квартиру мне вскоре дали..

— А-а-а! Е, е! — догадался я и поблагодарил Остапа Вишню за участие.

— От и добрэ! — улыбнулся Вишня. — А довго нэ було? — И с хитринкой посмотрел на меня.

Намек я понял:

— Столько ж, как и у вас, Павло Михайлович!..

Мы засмеялись..

— Здається, у нас е про що побалакаты! — оживился Вишня. — От що: заходьтэ до мэнэ, посмиємось, поплачэмо та знову тыхасэнько пошуткуем. Цикава розмова будэ!..

Так и договорились. Как поправится Павел Михайлович, у него на квартире и встретимся..

Подали машину. Усаживаясь, Остап Вишня спросил:

— Ваши байки хто пэрэкладае?

— Первую басню перевел Степан Олейник, а теперь трудится Павло Глазовой.

Павел Михайлович одобрительно кивнул и вдруг спросил:

— А такого байкаря чулы — Мыкыту Годованця?.. Талановытый! Йому б ваши байки пэрэкласты.

Павел Михайлович вдруг насупил брови и шутливо погрозил:

— А взагали вам, Мыколо Сыдоровычу, треба пысаты на ридний мови, и щоб нияких пэрэкладачыв. От так...

Виноватю клоню голову, пожимаю плечами.

— На жаль, чуба вжэ у вас нэмае, а то б надрав, ей-бо, надрав! — улыбнулся Вишня. — Ну, добрэ! Так чэкаю вас у сэбэ? У мэнэ тэпэр гэж добра крыша!..

Машина скрылась за углом.

Я невольно потрогал волосы. Чуб не густой, но вроде еще был. Во всяком случае, «надрать чуба» можно. Добрый Остап Вишня, видимо, пожалел.

Как-никак — земляки!..

НАШ НИКИТА ПАВЛОВИЧ

Я уверен: о Никите Павловиче Годованце, лучшем украинском баснописце, еще напишут книги, исследования, будет издано полное собрание сочинений и, конечно, академическое, будет создан музей Годованца. Его басни и переводы мировых баснописцев вошли в золотой фонд украинской и мировой литературы. Выйдут книги воспоминаний об этом замечательном человеке. Напишут и его «питомцы», обязанные Никите Павловичу за поддержку, за внимательное и заботливое слово, которым «патриарх украинской басни» всегда придавал силу молодым баснописцам.

Я был знаком и дружил с Никитой Павловичем Годованцем много лет. Осталась огромная переписка. Мне хотелось бы сохранить и образ этого человека огромной души и сердца.

Разговор с Анатолием Косматенко состоялся на перроне.

— Значит, договорились, — напомнил Анатолий. — Как только прилетаешь в Киев, в тот же день — ко мне, и мы едем прямо в Каменец к диду Миките Годованцу!

— Так сразу, с бухты-баряхты?

— Какие там бухты-баряхты!.. Ты не знаешь нашего Микиту Павловича! Это такой дид, такой добрый дид! Он всех нас, баснописцев, собирает, помогает, советует...

И вскочил на подножку вагона:

— К диду обязательно! Век благодарить будешь!..

Однако в Киев мне не пришлось выбраться.

И вдруг письмо: приглашение на 70-летний юбилей от Никиты Павловича Годованца в Каменец-Подольский. Очевидно, подсказал Толя Косматенко.

Однако и сейчас я не смог поехать из-за болезни. Послал поздравление и свою книжечку басен и юморесок «Переполох», недавно выпешшую в Киеве.

Вскоре — ответ. «...Очень сожалею, что Вы не смогли приехать в Каменец,— писал Годованец.— Тут было много сатириков и в том числе баснописцев... Вами издавна интересуюсь. Косматенко о Вас говорил. Читал Вас. Очень благодарен за присланную книгу «Переполах».

И тут же легонько отчитал: «Мне печально читать: «Басен я уже почти не пишу». Я патриот своего жанра — всю жизнь отдал басне, и Ваш отход меня опечалил. Отошли, было, и Манжара, и Косматенко, а потом-таки вернулись к ней. Если талант баснописца есть, то отказаться от нее не сможете. Что она «хлеба» не дает — это другое дело.

У Вас и «веселая проза» и басня веселая хорошо выходят. Любите их, а они будут любить Вас. Читатель Вас любит, знает и произведений Ваших ждет».

Вышла у меня книжечка басен в «Библиотеке Крокодила».

Не послать ли Годованцу на «зубок»?.. Познакомится с баснями поближе, критически разберет их по косточкам — и отпустит мою душу на покаяние, ибо к басням мне возвращаться не хочется.

Пошлю! Разругает — легче будет отойти от этого жанра. Ответ Годованец прислал быстро: «Вчера принесли мне Вашу новую книжечку «Крокодила» — «Девичий характер». С большим интересом и вниманием прочитал. Я б посоветовал Вам взять на вооружение басню классического образца, которая Вам хорошо удастся... Присылайте мне свои басни в рукописи, интересно почитать, так как ждать, пока появятся в печати,— долго... Я очень болел... лежал в больнице две недели. Потом полегчало, а потом снова стало плохо. Живу сейчас хорошо... Квартира хорошая. Материально обеспечен. Семья в порядке: жена, сын, внуки. Одна беда — здоровье не то...»

Потом в течение десяти лет, до последнего дня жизни Никиты Павловича, я буду удивляться: откуда у него столько физических и душевных сил? Как он, месяцами лежавший в больницах и дома, пичкаемый лекарствами и поддерживаемый уколами и процедурами, мог столько сделать именно за последние годы? Как мог вести нескончаемую переписку с молодыми баснописцами, настойчиво требуя от авторов кропотливой работы?

Я хорошо знал его горькую долю. Писатель Юрий Петров прислал мне свою книжечку — литературно-критический очерк «Байкар Микита Годованец», изданную в Киеве в 1963 году, еще при жизни Никиты Павловича. Петров описал, как крестьянский сын Никита бедствовал в детстве, отрочестве и юности; как занялся самообразованием, а потом стал сотрудничать в газете; как стал пробовать свое сатирическое перо; как по просьбе бойцов Красной Армии перевел на украинский язык басни Демьяна Бедного. И, кстати, получил доброе напутствие от него.

Талант его расцвел. Он написал много сотен басен, в том числе на

все сюжеты Эзопа, перевел много басен античных, византийских, французских, испанских, польских авторов — Платона, Аристофана, Аристотеля, Плутарха, Аристида, Федра, Бабрия, Леонардо да Винчи, Лафонтена, Флориана, Лашамбоди, Лессинга, Ириарте, Красицкого и много других.

Титаническая работа! Уникальный труд! Недаром называли Никиту Павловича патриархом украинской басни...

Все мы, творческие работники, страдаем не столько от критики, пусть даже резкой и частенько несправедливой, сколько от отсутствия любой критики.

Никита Павлович смотрел по-иному. Он писал мне в ответ на мои сетования на критику: «На писательской ниве всегда много терниев. Нужно иметь большую силу воли, чтобы перебороть боль и укусы комаров...

Вы трудитесь упорно, много, издаете книги, понемногу печтаетесь — чего ж еще? А что не видят критики — оно нехорошо, но терпимо. Кто знает, дала ли бы она Вам пользу?

Читатели отзываются одобительно — это лучшие отклики, чем приятельские общие слова. Здесь нам нужно оценку находить в самом себе: ты доволен книгой? — это уже хорошо. Жми дальше!..

Басни, скажу откровенно, не все любят и принимают. Трудно трудиться баснописцам.

Сатира всегда была неуважаемым гостем у редакторов. Как болезненно страдал от этого Салтыков-Щедрин! А Гоголь сколько имел неприятностей за свою сатиру? Он и ушел из жизни раньше времени...

Жанр сатиры — в стихах или в прозе — это тяжелая шапка Мономаха. Но если уже надел себе ее на голову, то неси, терпи».

И в другом письме: «Вы и сами когда-то говорили, как хорошо принимали работники Донбасса... те басни, которые клеймили подлость, зло. Смеялись? А значит — и осуждали зло. А что еще больше надо? Значит, басня, не «хиреет», а свежая и разумная — издается, действует, живет.

Вот вчера я получил письмо из одного села на моей Гайсинщине. Пишут, что устроили мои вечера в школе, на сахарном заводе, в селе. Слушатели только приговаривали: «Вот это да! Это — оно!» Простой читатель (он не мудрствует, как мы) хорошо понимает басни и всегда находит прототипа в действительности».

В таких письмах Никита Павлович черпал силу и уверенность.

Вот строки из другого его письма:

«Вы пишете: «Сатирик должен обязательно мыслить, анализировать, исследовать жизнь, выполнять гражданский долг»... Истина!.. Сатира без философии, без мудрости не есть сатира, а только хаханьки, веселое пустословие, милое легкомысленным слушателям».

Посылая мне свою басню, Годованец советовал: «Наше дело —

писать. Поменьше мудрить, а больше творить. Что-то отсеется, а что-то и останется».

Мы «обменивались» баснями, и девиз был один: нелицеприятная критика! Бывало, я нет-нет и пошлю новый сборник уже не басен, а «веселой прозы». И тут же думаю, как среагирует Годованец: похвалит или поругает?..

Никита Павлович отвечал двояко: и с сожалением и с надеждой.

«Вы не можете быть «изменником» басни!» — строго предупредил Никита Павлович и, даже хваля юмористические новеллы, делал обязательную оговорку: мол, «то для курортников и веселых людей, а басни — для строителей новой жизни и против тех, кто о новом не думает».

И пояснял: «Суть и слава — то, что сегодня звучит актуально и служит народу... верно служит и нам и читателям нашим... Я писал Вам и говорю снова: держитесь за басню — она Вам проложит путь в будущее, останется жить, ибо басня таит в себе мудрость, неумирающую остроту, которые имеют право на будущее. Вы знаете, когда я начал было искать в своих баснях афоризмы, тогда понял, в чем сила басни: если в ней нечего взять для афоризмов, то бедная басня... Смешинки не могут жить долго — они надоедают».

Подтекст — великая, очень великая сила, особенно в юморе, в басне. Юмор без подтекста — бедный юмор, пустословие, не стоит доброго слова».

Посылая мне басни, Никита Павлович писал: «Просьба: причесочьте мою басню «Стол и Кресло». Ваша критика поможет мне сделать ее лучше. Я ж тут одинок, а одиночество для творческого человека — это плохо. Нам требуется товарищеский глаз и слово критики... В январском номере журнала «Радянське літературознавство» почитайте мою беседу про басню. Не наврал ли я?»

Разбирая по косточкам басни друзей, Годованец держался такого принципа: «У каждого автора свой голосок. И его глушить не надо, но надо, чтобы он не фальцетил, не сбивался».

И уже меня критиковал резко: «Концовку в «Барабанщике» я б дал больше ритмично-боевую: слово **СОВСЕМ** — совсем не нужное. Да и слово **МОРАЛЬ** не нужно. А я сделал бы просто: «Авторитет чтобы заслужить, — не обязательно глушить»... В «Пролазе» последняя строка длинная. Сделайте короче, нужна ударность, краткость, мудрость... Слово **ИДЕНТИЧНО** здесь не к месту. Такие слова в басне, фольклорном жанре, убивают ее в корне. Когда-то я, в начале баснетворчества, прибегал к таким фокусам, да с трудом понял, что басня — жанр сугубо народный, — не должен пользоваться такими книжными «интеллигентными» словами, равно как и газетными выражениями, а только подлинно народными... Подумайте, а потом мне пришлите. Хочется посмотреть, как Вы умеете отшлифовывать свои произведения».

А Никите Павловичу было уже под восемьдесят. Истинно: патриарх басни! Вечное служение ей! Неистребимая вера в нее!..

Была у Никиты Павловича идея: написать книгу «про басню». Он то горячо брался за рукопись, то откладывал в сторону и снова возвращался к ней. Посылал рукопись «на додумку» нам, баснописцам, чтобы покритиковали, указали на слабые стороны.

Послал и мне. Наряду с положительной оценкой я сделал несколько критических замечаний. Это послужило поводом для спора о басне, который длился не один год.

Годованец пригласил на свои именины: «Я буду счастлив видеть Вас у себя. Поговорим вволю...»

Встреча была чудесной, дружеской. Приехали молодые баснописцы. Читали басни. Шутили. Никита Павлович и его жена Серафима Николаевна оказались чрезвычайно радушными хозяевами, милыми и внимательными.

Но большого разговора о басне не получилось. Слишком велика была радость встречи.

Потом уже Никита Павлович писал мне: «Рад, что познакомился с Вами. Те дни незабываемы... Не жалеете о том, что мы мало говорили. Зато много наблюдали. Хорошо, что друг друга увидели».

На мой отзыв о новой его книге басен заметил: «Я рад, что Вам моя книга понравилась. Конечно, не может быть, чтобы книга целиком понравилась, чтобы каждая басня понравилась. У каждого писателя есть хорошие вещи, разумные, а есть и слабые, маломудрые и неглубокие. Басни пишутся с разной целью, в разный час, темы бывают такие, что их тяжело писать. Да и читатель читает в разном положении: одно он принимает хорошо, другое — не очень, а третье — и принимать не хочет, и тема не по душе, и времени нет разобраться, вдуматься. Но байкарь байкаря видит издадека!»

А о своей рукописи заговорил значительно позже: «Я пишу книгу для молодых... больше опираюсь на свой опыт, свою лабораторию: сам отвечаю за себя... Я пишу книгу, но боюсь стать ментором. Ведь писать басню — дело такое, что никакие рецепты тут не подойдут. Если в душе нет «рецепта», ничего не получится. «Настоящей книги» я не сумею дать, если вы, наши баснописцы, мне не поможете, если коллективно не найдем, что сказать не только молодым, а и всем, кто интересуется басней».

Никита Павлович был до крайности строг и суров к своему творчеству. Его басни — высшее, что дали современные украинские баснописцы. А он не удовлетворен, ищет, мучается. И в этом его подвижничество, величие души. В одном из писем пишет: «Античные греки несколько тысяч лет назад опередили нас и дали образец юмора... Вы правду сказали, что много мы грешим, выдавая старое за новое. Но... приходится повторять «зады». Много ли над нашими баснями, юморесками, «смешными» рассказами улыбаются? А поче-

му? Потому что мы умничаем, стараемся рассмешить, показать, что мы мудрее читателя, ведем его куда-то... Напишем длинный роман... получим много гонорара и считаем: цель жизни оправдана!»

Никита Павлович вспоминал свой изначальный путь в литературу: «О моих баснях... Горе мне с ними! Родился в темной семье, неграмотной, а потому наследства культурного не имел. Жил на селе долгое время, и поэтому культурный уровень вырастал исподволь. Работал в газетах, журналах, а это — сквозняк для ума. Мастерство росло очень медленно, так как не было ни доброго учителя, ни приятеля, чтобы помог. И только когда годы склонились к «закату», начал разбираться, поднимать мастерство. И только работа последних лет принудила достигать шлифовки таланта. Работа над Эзопом, Федром, Бабрием, Леонардо, Красицким, труд над теорией принудил задуматься над качеством. ...Вы правду говорите, что басня может быть тогда по-настоящему художественным произведением, когда в ней не будет «ежесекундности», конъюнктуры, дешевой злобности и другой халтуры. Тяжело работать! А еще когда нет товарища-советчика, помощника квалифицированного...»

Великий труженик, Никита Павлович Годованец работал без усталости, самоотверженно, не щадя себя. Он писал мне: «...каждому хочется, чтобы от работы был какой-то толк и радость... Я понимаю слово «работать», когда ты работаешь и от труда есть радость и смысл, когда ты несешь что-то народу своему».

Многолетняя переписка с Годованцем велась в спорах и примирениях: и снова в спорах. Никита Павлович переделывал свой труд про басню и снова посылал мне. «Чего-то мое сердце не радуется от этого труда. А когда сердце не радуется — примета плохая».

Исправлял. И снова: «Милый дружок! Вот я, мне кажется, закончил свое «Слово про байку». Хочу послать ее на Ваш суд и... расправу... надеюсь на Вашу помощь. Не откладывайте в долгий ящик».

Интересно, что Никита Павлович не соглашался с «общепризнанной» трактовкой «рабьего эзопова языка».

«Я не согласен с тем, что «сама природа басни родилась из желания скрыть между строк соль басни». Что-то тут не так. Я думаю, что басня родилась на фоне жизни человека среди животных и природы: народ находил общее в жизни человека и животного и стал рисовать жизнь человека на фоне животного мира и учить человека: «не будь свиньей», «не хитри, как лисица», «роется, как крот», «сильный, как лев», «страшный, как змея»... А там и больше. Басня родилась так давно, как стал мыслить человек, а мудрости набиралась по мере того, как умел человек. ... Чтобы была хорошая басня, автор и должен быть **ОЧЕНЬ МУДРЫМ, ТАЛАНТЛИВЫМ, ВЫШЕ ТОГО, ДЛЯ КОГО ПИШЕТ**».

О морали в басне Никита Павлович говорил определенно: «...под

словом «мораль» будем разуметь КОНЦОВКУ — слово от автора... Басня без морали — это не басня, а черт знает что! Сюжет должен содержать в себе мораль. А уже в концовке автор выворачивает мораль басни так, как ему нужно. Но такая концовка не всегда нужна, ибо в сюжете иногда все сказано».

Никита Павлович страдал от одиночества, а иные баснописцы не хотели, видимо, спорить с ним и отмалчивались вместо того, чтобы вместе решать трудные вопросы творчества. Кое-кто и мне советовал не спорить с Годованцем, будто он очень обидчив. Я этого не замечал. Наоборот! Никита Павлович всегда благодарил за критику, сам просил «пропесочить» и других «пропесочивал».

И снова возвращался к рукописи «Про байку». Издать свой труд о басне Никита Павлович, к сожалению, так и не успел.

ПОДАРОК «САТИРИКОНЦА»

Прочитал в «Крокодиле» заметки об ушедших от нас «крокодильцах». Автор воспоминаний художник М. Вайсборд писал, что имя Михаила Яковлевича Пустынина, этого замечательного литератора, десятилетиями было на устах читателей. Его сатирические стихи, пародии, эпиграммы печатались еще в журнале «Сатирикон», в котором Пустынин прошел школу «самого Аверченко». Однако при жизни не вышло ни одной его книжки. Маститый сатирик сострил по этому поводу: «Старая гвардия умирает, но не издается».

Душевность, внимание, заботы о новых именах в юморе и сатире у Михаила Пустынина были исключительны. Стоило «проклянуться» молодому автору, как Пустынин брал над ним негласное шефство.

С благодарностью вспоминаю, как я, только начав публиковаться в «Крокодиле», стал получать от Михаила Яковлевича письма с настойчивой просьбой присылать (ему лично!) новые басни.

А когда в «Библиотеке «Крокодила» вышла очередная книжка «Новые авторы «Крокодила», я вскоре получил бандероль. Мих. Пустынин сообщил, что в этот сборник вошел и я со своей басней «Бочка».

Но что самое трогательное и неожиданное. На обороте обложки Михаил Яковлевич собственноручно написал стих, посвященный мне:

«Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром
О книжке с «Бочкой» Полотая
Грохочет в небе голубом.
Хочу, чтоб Ваша басня-складка
Касалась самых жгучих тем;
Чтоб «Крокодилу» было сладко
И — горько крокодилам всем.
Для атакующей морали
Чтоб был готов Ваш рифмомет;
Чтоб так Вы рифмы собирал,
Как собирают пчелы мед;
Чтоб в цель стреляла Ваша строчка,
Чтоб Ваши славились дела,
Чтоб Ваших дарований бочка
Всю жизнь бездонною была.

17 июня, 51 г.

Мих. Пустынин».

В этом сборнике новых авторов «Крокодила» впервые были напечатаны басни и юморески Н. Мизина, И. Костюкова, Г. Ладонщикова, Ел. Цугулиевой и других. Они стали активными крокодилцами и популярными авторами.

Нечего и говорить, что значило для меня «благословение» знаменитого «сатириконца» и «крокодилца». В то время я работал на заводе в Грузии, в цехе металлоконструкций. Тяжелая работа на «гильотине-ножницах» изматывала руки, они были постоянно в ссадинах. Но, придя с работы, усталый, я до поздней ночи корпел над баснями и посылал их в «Крокодил» Михаилу Яковлевичу.

Не могу забыть чуткость и сострадательность Михаила Яковлевича, которые он проявил и ко мне — даже лично незнакомому, жившему далеко от Москвы, в Грузии, и работавшему на заводе простым станочником.

Узнав, что врачи поставили мне диагноз — туберкулез почки, Пустынин по своей инициативе предпринял меры. Он писал мне: «Был в двух министерствах здравоохранения (РСФСР и СССР). Вот результат моего «хождения по мукам»: Вам может быть предоставлено место в одной из урологических клиник или больниц. Здесь

чрезвычайно трудно попасть в урологическую больницу даже москвичу, но мои хлопоты и крокодильская бумажка подействовали. Я сейчас звонил художнику Ганфу, которому вырезали почку 15 лет назад. Он себя прекрасно чувствует, плодотворно работает. В «Крокодиле» нет более веселого и более жизнерадостного человека. Он просил передать Вам, что с одной почкой в Москве живут тысячи людей; чтобы Вы не падали духом; а относительно себя сказал, что он надеется дожить, как Бернард Шоу, до 93-х лет. Ваше последнее письмо обрадовало меня своим оптимизмом, бодростью, юмором... Прямо хоть пиши басню под заглавием: «Бочка и Почка!»...»

К счастью, диагноз врачей оказался ошибочным.

Направляющая рука и доброе, сострадательное сердце Михаила Яковлевича Пустынина помогли нам, начинающим в самом начале трудного творческого пути.

С тех пор я стал на многие годы автором-крокодилщиком.

КТО С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ

В день сорокалетнего юбилея журнала «Крокодил» сатирики сошлись в клубе за длинными столами, обильно нагруженными снедью и веселящими напитками.

Мне, молодому крокодилцу, прибывшему из далекого Крыма, ни пить, ни закусывать не хотелось. Я жаждал поговорить со многими знакомыми и незнакомыми братьями по веселому перу, съехавшими на праздник со всех концов страны.

В небольшом коридорчике собралась группа смехачей. Реплики, гомерический хохот. В центре «заводилой» — небольшого роста человек.

— Ты не знаком с ним? — спросил Виктор Ардов. — Остроумнейший человечина! Пошли!..

Ардов легко уволок «заводилу» от хохочущей компании и представил нас друг другу.

— В литературе Эмиль Кроткий. В жизни, — наоборот. Зубаст и агрессивен. Не советую попадаться ему «на зуб»!..

Кто же не слышал об Эмиле Кротком! Его эпиграммы, афоризмы заполняли сатирические журналы от «Сатирикона» до наших дней.

Я был несказанно рад новому знакомству.

Эмиль Кроткий — подвижный, юркий, с быстро меняющейся мимикой — от озорной улыбки до запрятанной от посторонних глаз грустинки — напоминал веселого меланхолика. (От Ардова я знал о неустроенной личной жизни Кроткого, его вечных заботах.)

Услышав мою фамилию, Эмиль Кроткий комично пожал плечами: дескать, ничего оригинального. Ну читал мои басни и эпиграммы в журнале, — ну и что?..

Мне сделалось неловко.

Кроткий улыбнулся: может быть, от него ждут экспромта? (Кстати, от него всегда ждали веселого и подчас едкого экспромта, перевертыша фамилий, шутки, пародии.)

— М-мм! — скучно пожевал он губами. — Ну, что я тебе могу сказать, Витюша?.. Вот, может быть, так: Виктор Ардов начинается с бороды, а Николай Полотай — с рифмы. Сойдет?..

И тут же, выскользнув из объятий Ардова, быстро засеменял к хохочущей компании.

— Видал — мидал? — кохотнул Ардов. — Поддел сразу двоих, а?.. Я ж тебе говорил: только попадись ему на зубок!..

ОСЛИНАЯ ИСТОРИЯ

К полувековому юбилею журнала «Крокодил» издательство «Правда» выпустило книгу «Нестор из «Крокодила».

Это, говорилось в аннотации, «летопись полстолетия, созданная всерьез и в шутку 268-ю крокодилскими авторами веселых и грустных рассказов, сердитых фельетонов, едких памфлетов, персоничпательных стихов и прочих произведений трагикомического жанра».

В «Летописи» я был представлен эпиграммой «На закате».

«В часы заката

от Осла

Тень все росла,

росла,

росла

И растянулась на версту.

— Ого! — Осел сказал.—

Расту!*

(«Крокодил» № 12, 1958 г.)

Вспомнилась история злополучного четверостишия.

В начале шестидесятых годов я написал эпиграмму и отнес в областную газету.

— Хм!.. Гм!..— закашлялся завсехом.— А кто, кстати, этот Осел?

— Нужны анкетные данные?

— Давай, старик, без юмора! — помрачнел завсехом.— Все равно шеф потребует уточнить. И второе: что значит «расту»? Повышает квалификацию? Идейный уровень?..

Толкали моего «Осла» от стола к столу, из отдела в отдел целый год. Надоело!.. Позвонил в «Крокодил» главному редактору Сергею Александровичу Швецову. Он выслушал, расхохотался и тут же записал эпиграмму:

— Читай в следующем номере. А вашему редактору я подкину журнальчик по почте с комментарием...

«Осла» напечатали.

Не знаю, получил ли редактор журнал от Швецова. Но год со мной не разговаривал. И однажды — один на один — сказал не очень учтиво:

— Дался тебе этот осел! Не мог выбрать для своих басен другую скотину? А то — гадай, кто он?

— Нужны анкетные данные?..

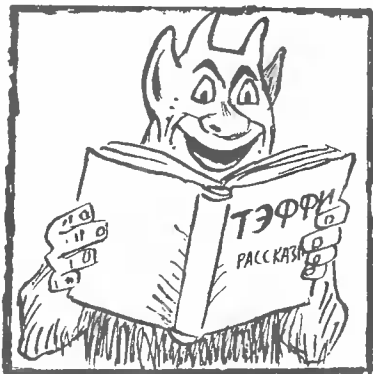
— Нет, но где в наше время ты видел хотя бы одним глазом, чтобы...

Я тихо кашлянул и прищурил глаз.

Редактор осекся.

С тех пор даже не кланяется.

ТЭФФИ

У каждого свой любимый писатель.

С отроческих лет у меня непреходящая любовь к Тэффи. Ее соратниками по веселому перу были такие же любимые читателем юмористы-«сатириконцы» — Аркадий Аверченко и Аркадий Бухов. И все же Тэффи я предпочел даже им.

Любил Тэффи за изящество стиля. Она всегда сохраняла чувство меры и такта, была сдержанна в чувствах, у нее непринужденное остроумие, нет пресыщенного, сытого смеха. Тэффи всегда сострадательна к «маленькому человеку», не насмехается над ним. Наоборот, в ее смехе — горчинка, щемящая душу боль за поруганное человеческое достоинство, высокая гуманность, человечность. Недаром Корней Иванович Чуковский писал, что Тэффи «никогда не превращала свой талант в механический смехофон».

Я искренне сожалею, что имя Тэффи нынче почти забыто, многим читателям малоизвестно...

Однажды на литературной встрече юной миловидной библиотекаршей мне был задан избитый вопрос:

— Ваш любимый писатель-юморист?

— Тэффи, — ответил не мудрствуя.

— Простите, это он или она?

— Она. Русская писательница Надежда Александровна Бучинская.

— Бучинская... А Тэффи?

— Ее литературный псевдоним. Взят из Киплинга.

— Она жива или умерла?

— Лично для меня, — отвечаю уклончиво, — ни Гоголь, ни Щедрин, ни Аверченко, ни Тэффи, ни Зоценко не умирали никогда.

Бедная библиотекарша! Она так и не поняла: жива Тэффи или нет, и потому задала наводящий вопрос:

— Понимаю. Очевидно, это было давно?

— Во времена «Сатирикона».

— Это тоже... псевдоним? — покраснела библиотечка.

Становилось забавно и немножечко грустно.

— Нет. «Сатирикон» — название сатирического журнала. А Тэффи была его постоянной сотрудницей.

Милая девушка не решалась дальше испытывать свои познания в истории юмористики и одобрительно кивнула:

— Значит, Тэффи?

— Тэффи!

— Тогда еще вопрос: какую интересную и веселую книгу вы прочитали в этом году?

— Тэффи.

— Опять... Тэффи?

— Да. В этом году наконец-то вышла из печати книга ее рассказов, и я не мог отказать себе в удовольствии перечитать их...

В библиотечном зале стало оживленнее. Следили за нашей добродушной пикировкой. Библиотечка не сдавалась:

— Ну, хорошо. Вы любите Тэффи. В конце концов это ваша личная привязанность. А что вы предложите прочитать нашим читателям?

— М-мм!.. Тэффи.

— О-оо! — застонала милая девушка. — Тэффи! Тэффи! Тэффи!.. У меня от нее в ушах звенит и голова, как в тумане.

— Надо отвлечься, соболезнаю. Прочтите что-нибудь легкое, веселое, остроумное — и пройдет.

— А что именно, если не секрет?

— Никакого секрета: Тэффи!

...С тех пор я «враг номер один» этой юной, милой библиотечки. Больше не приглашает на встречи с читателями. Возможно, и книги мои убрала с полки.

Воля ее! Но — да услышит она меня! — достаньте и прочитайте интересную, веселую и умную книгу, на обложке которой всего пять букв: ТЭФФИ.

Море удовольствия!..

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Югославский сатирик Милован Илич писал: «На первый взгляд кажется, что у людей и животных много общего. На второй — тоже».

Изучая повадки животных, я и создал серию зоофоризмов. А с конца семидесятых годов стал печатать их на страницах журналов и газет. Зоофоризмы читались по радио, появлялись с рисунками карикатуристов на телевизионном экране.

Автор надеется, что зверушки и пташки простят его великодушно за потревоженный покой. Ведь когда он писал о них, то думалось ему о Человеке.

*

Автографы Льва — на чужих шкурах.

*

А Божья-то Коровка — жучок!

*

Архар — тоже Баран, только высоко забрался.

*

Бараны придут: какой же праздник без шашлыка!

*

Бессмертие Осла — в баснях.

Беспозвоночные кланяются изящнее.

*

Берегитесь задушевных объятий Медведя!

*

Близость к животным очеловечивает.

*

Блохе и собачья жизнь — в радость.

*

Буйвола в беде не оставляют только слепни.

*

Будь по-вороньему, все бы закаркали.

*

Букашка при бумажке — сила!

*

«Было бы просо!» — извечная куриная философия.

*

Быть бы Слону великим, если б мышей не боялся.

*

Вдохновенный клич «За Жар-птицу!» сменился утробным
«Зажарь птицу!»

*

Вегетарианцам львиные почести оскорбительны.

*

Вечная проблема трудоустройства Гадкого Утенка.

*

В змеином обществе потчуют ядом.

*

В каждом лесу свой Леший.

В каждом слове Ежа искали колючку.

*

В львиный рацион входят и его приближенные.

*

В любой клетке душно.

*

В лайковые перчатки когти не упрячешь.

*

— Вова! — представился Волк.

*

Волчье хобби: рожки да ножки.

*

В паре чувствуешь плечо, в стаде — одни копыта.

*

— Всю жизнь косяком! — вздыхала Тюлька.

*

Высший авторитет для скота — Погонщик.

*

Гады, продвигаясь, вынуждены вилять.

*

Гладят по шерсти — прощайся с шубой.

*

Головастик, а глупенький.

Где хомут — там и кнут.

*

Где ступала нога Человека — ищи капканы.

*

Гуманный Кот: не поигравшись, Мышки не съест.

*

Давят Зайца, а говорят: попал под колеса!

*

Демократия джунглей в надежных когтях.

*

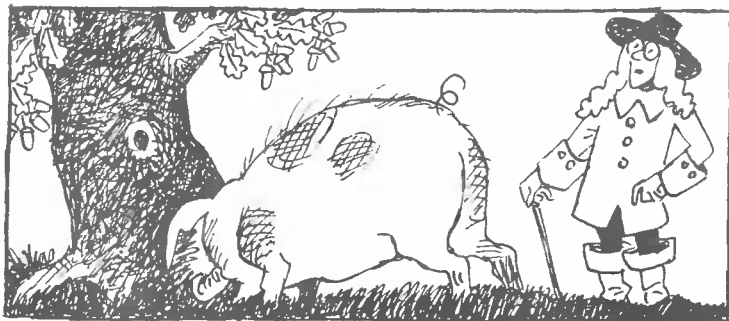
Для певчих птичек и силки ладят и клетки золотят.

*

— Думать надо! — повторял за Хозяином Попугай.

*

Дуб вдохновляет Художника и Философа, а кормит свиней.

Его — на цепь, а он руку лизать.

*

Еще не одной Собаке поставят памятник.

*

Жирафу в шею не вытолкаешь.

*

Золотой ошейник — тоже петля.

*

Заяц и возле мраморного Льва не чихнет.

*

Идущий за стадом своей тропы не протопчет.

*

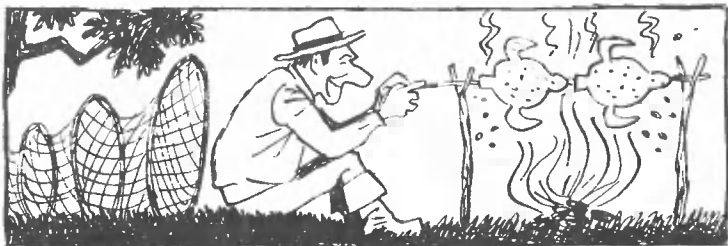
И Тля имеет свое Я.

*

Искал Заяц у волков Правду, теперь самого ищут.

*

Из птицелюба, через птнцелова, в птицееды.

Из густопсовых: не расчешешь.

*

Как Индюк ни думай — решать Повару.

*

Карась-идеалист на коммунальной сковородке.

*

Звонкий колокольчик и Барана делает вожакom.

*

Копытом в душу не достучишься.

*

Копек, скребущих душу, топят в вине.

*

Кошечка-шантажистка: «Мой дядя — в тиграх ходит!»

*

Крот всегда в тупике.

*

Кругозор Паука ограничен паутиной.

*

Кукушка — трепушка на ставке пророчицы.

*

Квочки в гости одна не ходит.

*

Ликвидировали китов Земли — вот и крутимся.

«Мне бы один виток вокруг Земли!» — мечтал Удав.

*

Много ли муравью надо? А все тащит, тащит, тащит...

*

Малеиькая Моль, а шубу подавай!

*

На вертеле поздно мекать.

*

На змеиный симпозиум сползаются деле-гады.

*

Назначь Зебру законодательницей мод — всех исполосует.

*

На львином пиру каждый тост — по ком-нибудь помиики.

*

Не всякая букашка — Светлячок.

*

Не выпотрошишь — не нафаршируешь.

На Еже не покатаешься.

*

На крик: «Человек за бортом!» — первыми спешат акулы.

*

Один пьет из источника, другой там и копыта моет.

*

О съеденных Львом некрологов не пишут.

*

Отмыл когти — и совесть чиста.

*

Откровения мартовского Кота: «Любовь — дело сезонное».

*

Опоздавших ко Льву на обед оставляют ему на ужин.

*

Пил за нерест, закусывал икрой.

*

Подари Ослу портфель — овсом загрузит.

*

Позиция Живца: сам на крючке и других сманивает.

*

Праздник Муравья, а чествуют Таракана.

*

«Прозрешь — из норки выселят!» — мудрствовал Крот.

Пустолайке высокие подмости не помеха.

*

— Пятна?.. Выведем! — внушали Пятнистому Оленю.

*

— Попал в яблочко! — обрадовался Червяк.

*

Попугай всегда оправдывается: говорил-де с чужих слов.

*

После «Дамы с собачкой» шавки дружно запросились в литературу.

*

Радовался ошейнику: «Гулять будем!»

*

Рак не за себя краснеет — за человечество.

*

Рисуешь Верблюда, рисуй и горб.

*

Рыбья кровь — а туда же, в доноры!

*

Родившимся в клетке — и небо в решетку.

*

Свой Попугай надежней.

*

Соловей с пенька не поет.

Съели мамонтов, теперь костям не нарадуемся.

*

Скажи по-человечески, и зверь поймет.

*

Слону легко другим советовать: «Иди напролом!»

*

Соловей славит рощу, Воробьишко — гумно.

*

Тщеславный Осел завещал свою шкуру Барабанщику.

*

Таракан и в чужой тарелке, как в своей.

*

Ты ему ланку, он — клешню.

*

Хвастал родословной: «Мы из приматов!»

*

Чересчур говорящая птица.

СОДЕРЖАНИЕ

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

Как возникла Ялта	3
Меня превратили в чудака	4
Веселая профессия	5
Кибернетический петушок	7
Советы «Диким»	9
О медведь-горе	16
Из записной книжки	18

ВСТРЕЧИ

Встречи с «Перчиком»	22
Смех Остапа Вишни	23
Наш Никита Павлович	25
Подарок «Сатириконца»	31
Кто с чего начинается	33
Ослиная история	34
Тэффи	36

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Николай Исидорович ПОЛОТАИ

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

Редактор-составитель М. Г. Семенов.
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 12.03.85. Подписано к печати 22.05.85 г.
А 04431. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,42. Тираж 75 000. Изд. № 1123.
Заказ 437. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

